

эмира и обратились ко мне, к архиерею и к приближенным эмира особо, поначалу прося позволения совсем не говорить на такого рода (касающиеся разницы вероисповеданий, — Г. П.) темы; оказавшись же не в состоянии добиться этого, они обратились вторично, прося позволения говорить не перед эмиром; на чем и порешили. И эмир послал немалое число вельмож и некоего человека, называемого Палапаном; и они пришли вместе с хионянами туда, где пребывал митрополит.

Мы разом сели, и тогда хионяне начали пространно говорить. Суть же их слов была такова: мы услышали десять заповедей, которые Моисей снес (с Синая) написанными на каменных скрижалях, а мы знаем, что их хранят турки; и мы отбросили то, во что верили прежде, и пришли к ним, и сами стали турками.

Вельможи попросили митрополита, чтобы он ответил. И он начал так: — Мне не подобает сейчас отвечать, ибо по сравнению с высотой и величием соборной и апостольской церкви моего Христа — кто я такой, чтобы говорить за нее, будучи частью ее наименьшей и почти ничем? Во-вторых: так как вельможи, председательствующие в качестве судей, принадлежат к стороне противников, мне никак не следует в ответ на их возражения открывать правила благочестия, каковыми являются боговдохновенные писания и особенно книги пророков. В-третьих: я предан в плен, а я знаю от господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, что, будучи предан, он не отвечал на вопросы. Однако, поскольку это повелевает великий эмир — а я замечаю, что бог дал ему настоящий разум — и ввиду того, что рабу и случайному человеку свойственно знать об одном учении, да и то едва, а человеку, имеющему в своей власти многие народы, необходимо быть правдиво осведомленным о многих учениях, — из-за этого я намерен говорить о принятом у нас благочестии то, что даст божие слово во утверждение уст моих.² Но я сделаю это, отвечая не хионянам, ибо они, судя по тому, что я слышал о них прежде, и судя по тому, что они говорят теперь, оказываются евреями, а не турками. Мое же слово сейчас не к евреям.

Итак, суть нашего благочестия состоит в следующем. Есть один бог, всегда сущий и пребывающий в веках, безначальный, непреложный, бесконечный, неизменный, неделимый, неслиянный, безграничный; тварь же вся тленна и изменчива. И само начало (всего) есть изменение, переход от небытия к бытию. Сам же бог, единственный безначальный, не бессловесен; сам же бог, единственный безначальный, не бессмыслен; и значит, богу свойственно слово и богу свойственна премудрость; премудрость же — в слове, а помимо слова нет премудрости. Если бы было время, когда не было у бога слова или премудрости, это значило бы, что было некогда время, когда бог был бессловесен и непремудр, а это нечестиво и невозможно. Таким образом, безначально и Слово божие, а Премудрость никогда от него не отделяется. Но слово не проявляется никогда также без духа, что и вы, турки, исповедуете, ибо признаете, что Христос есть Слово божие, и (даже) считаете его Духом божим, поскольку он никогда не отделим от святого духа. Итак, у бога есть Слово и Дух, безначально и нераздельно с ним сущие и пребывающие; ибо не был никогда бог и не будет ни бездуховен, ни бессловесен. Следовательно, Одно — трое, и Трое — одно. Обладая же Словом и Духом, бог сдержит их не так, как мы, у которых они тают в воздухе, но богоприлично и как (будет видно) на примере.

² Ср.: Исая, гл. 53, ст. 7.